

Жун Цзянь смотрел на сережку в своей руке:

— Эти буддийские сутры я не буду переписывать. А как ты завтра доложишь о выполнении поручения — это уже твое дело.

Момо Чэнь замерла, не ожидая такого ответа. Она начала уговаривать, стараясь быть убедительной:

— Ваше Высочество, вы занимаетесь высоким положением, но все же должны проявлять сыновнюю почтительность к вдовствующей императрице...

Жун Цзянь наконец поднял на нее взгляд, но смотрел не на нее, а на нефритовое украшение в ее волосах, и не спеша произнес:

— Момо, какие у вас способности. Это украшение было подарено губернатором Сыаня в качестве новогоднего подношения дворцу, оно должно было остаться во Дворце Чанлэ, а теперь украшает вашу голову.

Момо Чэнь наконец поняла, в чем дело. Она дотронулась до украшения, с улыбкой оправдываясь:

— Это... это моя собственная вещь. Если Ваше Высочество желает, я с радостью подарю ее вам. Как же... как же можно так обвинять старую служанку.

С самого начала, когда тетушка Чжоу упомянула о характере момо Чэнь, Жун Цзянь обратил на это внимание.

Но момо Чэнь была хитрой, и за ее спиной стояла вдовствующая императрица, поэтому обычные люди не осмеливались ее трогать. Даже прежний хозяин дворца не решался ее обидеть, опасаясь вызвать недовольство императрицы.

Момо Чэнь брала только незначительные и не уникальные вещи. Хотя во Дворце Чанлэ пропадало то одно, то другое, но так как ее не ловили на месте преступления, она могла утверждать, что вещи были подарены императрицей или другими хозяевами.

Но человеческая жадность не знает границ. Если уж брать, то самое дорогое. Жун Цзянь на самом деле не разбирался в этих украшениях, но он поручил тетушке Чжоу перед внесением в инвентарь специально поменять местами некоторые ценные новогодние подарки с похожими на них обычными дворцовыми вещами.

Жун Цзянь холодно сказал:

— Момо, возможно, вы не знаете, но из-за ценности новогодних подарков к списку прилагаются изображения. Это ваша вещь, или вещь из Дворца Чанлэ, или, может быть, в хранилище не хватает каких-то драгоценностей — все это можно легко выяснить.

Момо Чэнь наконец осознала, что, возможно, давно попала в ловушку. Но, будучи старой служанкой дворца, хотя и испуганной, она не растерялась полностью:

— Ваше Высочество совершенно правы. Старая служанка по невнимательности использовала вещи из Дворца Чанлэ, за что заслуживает смерти. Я вернусь, тщательно все пересмотрю и верну обратно. Прошу Ваше Высочество простить меня.

Тетушка Чжоу сказала:

— Момо, похоже, вы совсем ослепли от старости и забыли дворцовые правила. Как только обнаруживается вороватая служанка, ее тут же казнят. Здесь Дворец Чанлэ.

Момо Чэнь огляделась вокруг. Величественные огни дворца освещали пустые залы, и только теперь она почувствовала страх. Сняв украшение с волос, она упала на колени, умоляя:

— Прошу Ваше Высочество пощадить мою жизнь, я больше не посмею.

Всю свою жизнь она служила вдовствующей императрице. Когда императрица была еще молодой девушкой, у нее было четыре служанки. Трое из них вышли замуж за генералов, а она осталась, чтобы служить императрице. Каждый раз, когда знакомые знатные дамы приходили во дворец, она не могла смотреть в глаза своим бывшим подругам, которые теперь жили в совершенно другом мире. Со временем она стала жадной до богатства, желая иметь такую же роскошь.

Но она не ожидала, что однажды попадет в ловушку, расставленную той самой принцессой, которую она презирала.

Жун Цзянь смотрел на нее:

— Такие мелочи не стоит раздувать. Я остаюсь при своем мнении: сутры я сегодня не буду переписывать, и в будущем тоже не буду. А как вы доложите вдовствующей императрице — это уже ваша забота.

Вдовствующая императрица была погружена в буддийские ритуалы и редко покидала Дворец Цынин. Момо Чэнь была ее глазами и руками в дворце. Жун Цзянь не ожидал, что она предаст императрицу, но если императрица хотела, чтобы момо Чэнь мучила его, то этого не произойдет.

Размышляя об этом, Жун Цзянь почувствовал еще большую усталость. Он махнул рукой:

— Момо, подумайте хорошенько. Ведь это кража новогодних подарков, а вдовствующая императрица всегда была строга и справедлива в управлении дворцом. Если это дойдет до императора... никто не знает, каковы будут последствия.

Служанка бабушки, которая обворовывает внучку, и тогда дело будет разбирать не близкий зять. Учитывая характер вдовствующей императрицы, можно только представить, что она сделает.

Жун Цзянь встал, держа в руке сережку, которую он уже успел согреть своим теплом, и направился в свои покои, постепенно отодвигая занавески.

Где же он?

Просторные занавески были пусты.

Жун Цзянь медленно нахмурился:

— Сбежал?

Неужели он решил, что помогать мне с домашним заданием — это слишком мучительно, а снаружи еще и момо Чэнь следит, поэтому сбежал?

Чья-то рука легла на плечо Жун Цзяня, слегка коснувшись его.

Жун Цзянь вздрогнул. В комнате, казалось, никого не должно было быть. Обернувшись, он увидел Мин Е.

Он тихо сказал:

— Я думал, ты ушел.

Мин Е стоял у края кровати:

— Я так ненадежен в глазах Вашего Высочества?

Но раз уж он не ушел, Жун Цзянь решил обвинить первым:

— Ты меня напугал!

Мин Е с легкой улыбкой ответил:

— Я не знал, кто заходит. Поэтому обошел вокруг, следуя направлению занавесок. Если бы это был кто-то другой, меня бы не заметили.

Жун Цзянь...

Теперь он выглядел так, будто зря обвинил доброго Мин Е, словно собака, укусившая Люй Дунбиня...

Он попытался убедить его доводами:

— Учитель должен быть примером добродетели и справедливости, тогда его будут уважать. Ты меня напугал, значит, у тебя нет учительской добродетели...

Мин Е произнес:

— А...

...словно хотел что-то сказать.

Жун Цзянь подумал о том, сколько знаний у него в голове и сможет ли он переубедить этого человека. Затем он вспомнил, что домашнее задание все еще зависит от Мин Е, и его голос стал мягче. Теперь он попытался воздействовать на эмоции:

— В любом случае, учитель не должен обижать ученика и должен выполнять свои обещания.

Мин Е с некоторым удивлением спросил:

— Когда Ваше Высочество пишет сочинения, почему вы не проявляете такой же сообразительности?

Жун Цзянь подумал: «Это же личное оскорбление! Да?»

Мин Е уже подошел к кушетке, снова открыл незаконченное сочинение и поманил Жун Цзяня.

Жун Цзянь подумал, что сегодня явно не его день. Хоть и не пришлось переписывать сутры, но домашнее задание все равно не избежать.

Жун Цзянь вернулся на свое место, снова взял кисть и тушь, слушая, как Мин Е диктует предложения, и записывая их слово за словом. Он писал очень старательно, но сегодняшний день был слишком насыщенным. Утром и днем он справлялся с Сюй Яо, затем провел весь день в павильоне Люгуань, сидя с прямой спиной, путь из Сада Неумелости во Дворец Чанлэ тоже был не коротким, и хотя Мин Е поддерживал его, он несколько раз чуть не наступил на юбку, вернувшись, он немного поработал над домашним заданием, а затем разобрался с момо Чэнь. Теперь он чувствовал себя полностью вымотанным.

Он из последних сил держался, но даже яркий свет лампы не мог развеять его усталость. Жун Цзянь все еще держал кисть, но его веки уже сомкнулись, и он начал падать вперед.

К счастью, Мин Е успел его подхватить.

Мин Е отпустил его, глядя на Жун Цзяня, и понял, что тот действительно устал.

Когда Мин Е увидел записку Ци Цзэцина, он планировал написать все за Жун Цзяня.

Ци Цзэцин, услышав о происшествии в павильоне Люгуань, решил, что Жун Цзянь — это перспективный ученик, который умеет использовать противоречия между вдовствующей императрицей и императором, и хотел хорошо воспитать эту принцессу. Это было правильно. Но он не до конца понимал реальный уровень Жун Цзяня, поэтому не стал действовать постепенно, а дал ему задание, которое тот просто не мог выполнить.

Но Жун Цзянь, похоже, чувствовал себя неловко и упрямо настаивал на том, чтобы получить наставления от Мин Е.

Мин Е изменил свое решение.

Он редко поступал так. На самом деле, обучать Жун Цзяня было гораздо медленнее, чем писать самому. Этот процесс больше напоминал игру, и наблюдать за неуклюжей, умоляющей принцессой было действительно забавно.

Но игра — это игра, и Мин Е не хотел, чтобы Жун Цзянь дошел до полного изнеможения.

Он взял бумагу и кисть у Жун Цзяня и мягко сказал:

— Ваше Высочество, идите спать. Я допишу оставшееся.

Жун Цзянь только что проснулся, но все еще сохранял базовое чувство стыда:

— Это... нехорошо.

Мин Е объяснил:

— Это слишком сложно для Вашего Высочества, и писать это бессмысленно. Но я быстро закончу.

Жун Цзянь подумал, что Мин Е говорит вполне разумно, особенно учитывая, что он сам был слишком уставшим, но все же с чувством товарищества сказал:

— Но я не могу оставить тебя одного писать мое домашнее задание! Я буду с тобой!

Произнося эти громкие слова, Жун Цзянь подумал, что это всего лишь наблюдение, не нужно писать, неужели он может упасть в обморок? Однако он недооценил свою усталость. Наблюдая,

как Мин Е быстро и эффективно пишет сочинение, Жун Цзянь почувствовал, как его глаза закрываются, и он не смог удержаться, уснув на столе.

Чистые отношения учителя и ученика, однако Жун Цзянь много о чем подумал.

<http://bllate.org/book/16310/1471597>